

ОТ АВТОРА

Данная работа была задумана автором как глава книги, посвящённой значению мифологического сознания для современности и завтрашнего дня. Речь должна была пойти лишь об одном типе мифов, существующих и в наше время, а именно — об исторических мифах, претендующих на роль некоей альтернативы «официальной» науке и превращающихся в основу политических идеологий. Довольно скоро, однако, выяснилось, что эта тема не ограничивается скромным объёмом и требует особо тщательного анализа. Результатом стала книга, которую сегодня автор предлагает вниманию читателя.

Собственно, околонучный шум существует всегда: свобода слова — это, в том числе, и свобода ошибочного слова. Научное знание не может рождаться иначе, чем в столкновении мнений и ожесточённой критике: признаётся лишь то, что эту критику выдерживает. Лишь некоторым дилетантам удалось серьёзно обогатить науку вопреки единодушному мнению специалистов своего времени: таков был, например, Шлиман¹, вклад которого вовеки не должен быть забыт. Гораздо чаще, однако, события развиваются по другому сценарию: рассмотрев очередной «переворот в науке», учёные обнаруживают, что к науке он отношения не имеет, и «выбрасывают его во тьму внешнюю» (Матф.25:30) — перестают отвлекаться на споры с явной глупостью и возвращаются к своим прямым обязанностям. После этого неудачливый кандидат в Шлиману какое-то время выступает на чисто публицистической почве, а затем дело кончается забвением.

Однако в XX веке не раз случалось, что конъюнктура (поначалу — деспотическая, но всё чаще — и демократическая) требует именно мифов, которые можно было бы противопоставить научному знанию. В таких случаях чисто научного опровержения доморожденных «теорий» явно недостаточно. Ведь подобные идеи рассчитаны не на признание «официальной» наукой, к которой они как раз резко оппозиционны, а на эффект в массовом сознании. Причём нередко этот эффект достигается: тогда рождается новая политическая идеология, а к мнению серьёзных

¹ К. В. Керам (1963: 62—64) посвятил — и именно по поводу Шлимана — обширный пассаж восхвалению дилетантов, сумевших обогатить те научные сферы, в которых они не были дипломированными профессионалами. В его перечне — такие лица, как Отто фон Герике, Дени Папен, Гальвани, Гельмгольц, Земмеринг, Шампольон и многие другие. Однако Шлимана критиковали (да и сейчас критикуют) вовсе не за то, что он явился в археологию со стороны (в конце концов, никто не рождается сразу специалистом). Сам Шлиман слушал курс археологии в Сорбонне и писал диссертацию в этой области (любезное замечание Л. С. Клейна, за которое автор выражает искреннюю благодарность). Дело совсем в другом: методы, которыми он вёл раскопки, были недопустимы даже для того времени. Достаточно сказать, что гомеровскую Троию VIIа, которую он искал, он не заметил, снёс её остатки (тем самым загубив их для последующих исследователей) и искал свидетельства о царе Приаме в слоях начала II тыс. до н. э. Он явно поверил античным мифографам, что время существования Трои — это правление всего трёх царей: Ила, Лаомедонта и Приама, — а значит, троянские памятники не могут относиться ни к каким другим эпохам. Столь же неудовлетворительны и его интерпретации, в которых первый же найденный в Трое клад он счёл сокровищами Приама, а первую найденную в Микенах гробницу — гробницей Агамемнона. Таким образом, упреки в дилетантизме относятся не к происхождению Шлимана и не к его академическим степеням, а к непрофессиональным методам его работы.

учёных продолжают прислушиваться лишь их же коллеги. Перед нами — грозное социальное явление, само по себе требующее изучения.

Подобное случалось уже не раз. То научное знание — по знаменитому двумерному выражению И. Канта — «приподнимали, чтобы освободить место вере», заставляя науку считаться с религией, то — с мистической философией. В современной атаке против науки ново прежде всего то, что на сей раз её противники претендуют на место в её же рядах. Ниспровергатели Эйнштейна и «официальной истории» — часто обладатели учёных степеней, а филиппики против компьютерной революции пишутся на компьютере и публикуются в Интернете. Это — картина «вертикального вторжения варварства» (фраза В. Ратенау, которую в «*Восстании масс*» часто цитирует Х. Ортега-и-Гассет): новый варвар не вторгся в науку извне, из «Дикого поля», а поднимается из недр самой цивилизации, которая во многом обязана своим существованием той же науке. Больше того, многие научные работники в таких условиях оказываются дезориентированными и начинают творить мифы, искренне веря, что добывают знание.

Крушение советского марксизма — не главная причина этого, поскольку и на Западе происходит то же самое. Тревогу по поводу наступления антинауки у нас и у них забили почти одновременно, и П. К. Фейерабенд со своим методологическим анархизмом выступил намного раньше А. Т. Фоменко. При этом атаки нацелены прежде всего на социальную роль науки. «Методологический анархист», как аттестовал сам себя П. К. Фейерабенд, не имел бы против науки ничего, если бы его собственные фантазии были признаны равноправными с теорией относительности — а то и новой научной парадигмой.

Не будем притворяться, будто мы забыли все уроки исторического материализма. Если явление стало массовым, нет смысла искать следы мирового заговора, влияние единичного «злого гения» или ссылаться на «испорченность нравов»: у такого явления должны быть социальные причины, в силу которых многие люди начинают вести себя сходным образом независимо друг от друга. Кроме того, эти причины должны иметь присущие им механизмы действия: политические идеи и эпидемии гриппа распространяются не по одним и тем же законам.

В этой книге мы ограничимся только одной сферой — историей.

Одним из упреков, высказанных автору рецензентами во время работы над этой рукописью, была чрезмерная длина цитат, составляющих чуть ли не четверть текста. Признавая справедливость этого упрека, автор, тем не менее, счёл необходимым оставить цитаты практически в прежнем виде. Во-первых, это даёт читателю возможность ознакомиться с анализируемыми идеями из первых рук, а не в моём пересказе. Во-вторых, конечно, можно было бы заменить многие цитаты простой отсылкой к источникам — но ведь задача этой работы как раз в том и состоит, чтобы объяснить читателю, почему многие (хотя и не все) из разбираемых работ читать *не надо*. И это не говоря уж о том, что некоторые из них вообще труднодоступны. Наконец, в-третьих, одна из редакций «золотого правила нравственности» гласит: «Не делай того, что у других порицаешь». Автор, критикующий других за пренебрежение научными ссылками, сам не вправе поступать так же.

В данной работе принята «кембриджская» система ссылок, уже завоевавшая права гражданства в литературе на русском языке. Она удобна тем, что экономит место без потери точности и освобождает подвалы страниц только для авторских

комментариев, а кроме того, упрощает вёрстку. Ссылка: (Филатов 1984: 112) — означает: работа Г.С. Филатова 1984 г. издания, стр. 112 (полные выходные данные этой работы — в списке литературы). Если ссылка следует сразу за фамилией автора, эта фамилия не дублируется: «По мнению А. Дж. Тойнби (1991: 18)...». Ссылка по форме: (: 20) — читается: «там же, стр. 20».

В некоторых случаях бывает существенно указать дату выхода первого издания цитируемой работы, причём на языке оригинала. Это важно, если нужно учитывать время её появления и очерёдность по отношению к другим трудам того же автора, но при этом первое издание стало труднодоступным. Такая дата указывается в фигурных скобках. Например, (Трубецкой 2007 {1920}) означает: сочинение кн. Н.С. Трубецкого, впервые изданное в 1920 г., но в данной работе цитируемое по изданию 2007 г. Такой способ тоже уже применяется в изданиях на русском языке (см., напр.: Сокал, Брикмон 2002).

Благодарности

Увы, никто не обнимет необъятного, и вряд ли я смог бы назвать всех, кто помог мне завершить этот труд. В первую очередь хотелось бы выразить благодарность издателю — С.Е. Эрлиху, проявившему интерес к этой рукописи с самого начала, не раз обсуждавшего с автором как текст в целом, так и его отдельные моменты и сделавшего всё, чтобы эта книга увидела свет. Столь же искренне я благодарен рецензентам — профессору Л.С. Клейну (попытка ответить на его доброжелательную, но строгую критику увеличили первоначальный текст более чем вдвое), М. Елифёровой и Н.Л. Жуковской, высоко оценившим труд незнакомого им автора.

Сердечную признательность выражаю кишинёвскому университету «Высшая Антропологическая Школа», в котором были созданы наилучшие условия для работы над такой книгой: прежде всего М.Е. Ткачуку, создателю этого неповторимого интеллектуального центра, и его сотрудникам – Р.А. Рабиновичу, И.В. Манзуре, Н.Д. Руссеву, В.Д. Цуркану, В.Н. Поливцеву, А.А. Романчуку, Ж.Б. Кроитор, А.Н. Буряну, Е.Ю. Звереву, Т.Л. Яйленко и другим, поддерживавшим меня во время этой трудной работы. Особо хотелось бы отметить бескорыстную помощь Т.Д. Бигдан и Ю.Д. Тимогиной, не раз выручавших меня в трудных проблемах с переводами.

Я весьма признателен студентам Высшей Антропологической Школы и слушателям летних школ молдавского комсомола (с 2006 г.), не раз задававшим такие вопросы, ответ на которых порой требовал коренной переделки уже готовых частей текста. Чрезвычайно помогли мне в ответах на сложные вопросы В.И. Боршевич, Л.Б. Вишняцкий, П.Ю. Чернозитов, О.И. Манзура, Э.И. Колчинский, Александр С. Тулбуре. Все эти и многие другие люди делились со мной идеями и информацией, помогали литературой, порой остро спорили. Не преувеличивая, могу сказать, что без их поддержки работа вряд ли смогла бы состояться.

И особо хотел бы назвать Галю Засыпкину — моего доброго гения все эти годы.